

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).282-294

БОРЬБА С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ЭПОХУ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Р.З. Рувинский¹, Е.В. Царёв²

¹ Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

² Дзержинский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Дзержинск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

19 августа 2020 г.

Дата принятия в печать

21 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения

2 июля 2021 г.

Ключевые слова

Алгоритмическое управление; массовое наблюдение; наказание; правонарушение; проект «Система социального кредита»; социальный контроль; цифровая личность; черные списки; юридическая ответственность

Финансирование

Исследование выполнено

при финансовой поддержке РФФИ

в рамках научного проекта

№ 20-011-00173

Аннотация. Статья посвящена происходящим в настоящее время изменениям в области борьбы с правонарушениями, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта и анализа больших массивов данных (Big Data). В центре рассмотрения — проект «Система социального кредита», построение которого осуществляется в КНР, а также относящиеся к данному проекту продвинутое контрольно-надзорные механизмы. Рассматривается вопрос о влиянии новейших технологий социального контроля на борьбу с преступностью и административными правонарушениями. Дается оценка тому трансформирующему эффекту, который внедрение Системы социального кредита и алгоритмических механизмов социального контроля оказывает на правовую систему и отдельные ее институты: институт юридической ответственности, наказания, понятие «правонарушитель». Делается вывод о том, что внедрение Системы социального кредита в КНР и развитие алгоритмических механизмов социального контроля и противодействия преступности влекут освобождение института наказания от связи с конструкцией юридической ответственности и правонарушением как виновным деянием.

TACKLING DELINQUENCY IN THE ERA OF SOCIAL CREDIT SYSTEM: PROSPECTS AND RISKS

Roman Z. Rouvinsky¹, Evgeny V. Tsarev²

¹ Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, the Russian Federation

² Dzerzhinsk Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Dzerzhinsk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 August 19

Accepted

2021 June 21

Available online

2021 July 2

Keywords

Algorithmic governance; mass surveillance; punishment; offence; Social Credit System project; social control; digital personality; blacklists; legal liability

Acknowledgements

The reported study was funded by

RFBR, project number 20-011-00173

Abstract. The paper is devoted to the changes in fighting delinquency connected to the application of artificial intelligence and Big Data analytics. The focus of the paper has been made on the Social Credit System and related advanced mechanisms of control and surveillance, which are currently being built and implemented in China. The issue of how the latest technologies of social control impact the fight against crimes and administrative offences has been examined. The transforming effect of introduction of the Social Credit System and algorithmic mechanisms of social control upon the legal system and some of its institutions (notably, the legal liability institution, the punishment, the concept of an offender) has been assessed in the paper. The authors come to the conclusion that the introduction of the Social Credit System in China and the development of algorithmic mechanisms of social control and crime prevention may lead to the separation of punishment from the construct of legal liability and the concept of an offence as a guilty deed.

Введение

Переживаемая нами историческая ситуация характеризуется стремительным развитием прорывных информационных технологий, в том числе нейронных сетей и алгоритмов анализа больших массивов данных (Big Data). Они не только меняют способы нашего взаимодействия с окружающим миром, но трансформируют также и саму социальную действительность, вызывая к жизни принципиально новые типы горизонтальных и вертикальных общественных отношений, новые модели управления. Одной из наиболее любопытных точек приложения современных технологических достижений является их применение в области борьбы с правонарушениями.

Развитие систем видеонаблюдения и появление «умных камер» со способностью к распознаванию лиц позволили ряду авторов говорить о возникновении особых типов общества и государства — «надзорного капитализма» (*surveillance capitalism*) [1], «государства надзора» (*surveillance state*) [2, р. 57–58; 3; 4], или даже их гибрида, «надзорно-промышленного комплекса» (*surveillance-industrial complex*) [5]. Новые надзорные технологии открывают перед правительствами возможности, о которых прежде можно было лишь мечтать: ускорение раскрытия преступлений; автоматизированная фиксация противоправных действий; упрощение прогнозирования делинквентного поведения, пресечения и профилактики правонарушений. Впрочем, ложку дегтя к оптимизму правоохранителей добавляют опасения со стороны активистов правозащитных организаций и рядовых граждан, обоснованно усматривающих в информатизации надзорной деятельности угрозу правам человека, принципу неприкосновенности частной жизни и иным юридическим гарантиям, лежащим в основании правового государства.

Хотя продвинутые технологии в области регулирования и контроля поведения людей развиваются параллельно в большинстве развитых стран, в силу определенных институциональных и исторических причин их наиболее активное практическое применение наблюдается в настоящее время в КНР. Именно в КНР с начала 2000-х гг. интенсивно разрабатывается и внедряется ряд проектов, направленных на обеспечение общественного порядка, опирающихся на достижения современных информационных технологий. Наиболее впечатляющим и амбициозным из этих проектов является «Система соци-

ального кредита» (далее — ССК), использующая полученные из различных источников данные с целью оценивания поведения субъектов, последующего их наказания или поощрения. Судя по имеющимся на сегодняшний день немногочисленным публикациям российских ученых и экспертов из правоохранительных органов [6–8], в России ССК представляется в целом желательным прообразом для развития собственной, отечественной системы социального контроля, которая позволила бы эффективнее бороться с преступлениями и административными правонарушениями. Предполагается, однако, что данный феномен заслуживает более внимательного и осторожного исследования, прежде всего с позиций того трансформирующего эффекта, который внедрение систем массового наблюдения, а тем более проектов наподобие китайской ССК, может повлечь за собой. Цель настоящей работы состоит, во-первых, в анализе воздействия ССК и подобных ей систем контроля на борьбу с правонарушениями, а во-вторых, в выявлении возможных рисков для правовой системы, сопряженных с их внедрением.

Развитие контрольно-надзорных систем в XXI в.

Надзорные техники всегда сопутствовали борьбе с преступностью, однако лишь на рубеже XX–XXI вв. они достигли того уровня развития, на котором становится возможным говорить о радикальном изменении господствующих подходов в этой области. Как отмечают британские криминологи Р. Коулмэн и М. МакКаилл, с развитием современных систем массового наблюдения и контроля основной акцент смещается с поимки преступников к предотвращению преступлений, от ретроспективных функций расследования уже совершенных преступлений к политике «управления рисками» [9, р. 69–70, 75].

Пионерами в использовании систем видеонаблюдения в целях обеспечения общественного порядка были США и Великобритания [10, р. 136], но на сегодняшний день лидером в области применения продвинутых контрольно-надзорных механизмов можно с полным правом считать Китай. Основными проектами КНР, имеющими потенциал применения в целях борьбы с преступностью, являются сеть городских камер видеонаблюдения SkyNet [11], система видеомониторинга в сельских районах Xueliang («Острые глаза») [12], а также «Система социального кредита» (社會信用體系).

Разработка и построение ССК осуществляется в соответствии с нормативными актами партийно-государственных органов КНР¹, на сегодняшний день она представляет собой платформу, объединяющую ряд параллельных проектов, или модулей [13], функционирующих на основе схожих принципов. Информационным скелетом ССК является Национальная платформа обмена кредитной информацией (全国信用信息共享平台) — главная база данных, аккумулирующая информацию из других баз, которые ведутся различными центральными и местными органами государственной власти КНР² [14, р. 89; 15, р. 9–10]. Данный элемент ССК позволяет центральным и местным государственным органам получать информацию о подконтрольных лицах, содержащуюся в различных государственных и корпоративных базах данных, в том числе информацию из черных списков «бесчестных лиц» и красных списков примерных граждан и организаций. Включение лица в один из многочисленных черных списков, ведущихся отдельными ведомствами, влечет для субъекта ограничения, предусмотренные политикой совместных поощрений и наказаний (联合奖惩). Другой составляющей проекта являются муниципальные пилотные проекты начисления балльного рейтинга гражданам и организациям, действующие в отдельных городах, и корпоративные проекты рейтингования. Целевыми группами, в отношении которых осуществляется контроль посредством ССК, являются граждане, юридические лица и госорганы [15, р. 6].

¹ 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见 (Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита. 2007. 23 марта) // URL: http://www.gov.cn/jwqk/2007-04/02/content_569314.htm; 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要 (2014–2020年) 的通知 (Уведомление Государственного Совета относительно издания Плана построения системы социального кредита (2014–2020 гг.)) // URL: http://www.gov.cn/jzhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm.

² Документом, предусматривающим создание национальной платформы обмена кредитной информацией, а также платформ обмена кредитной информацией в провинциях КНР, является 国务院关于建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见 国发〔2016〕33号 2016年05月30日 (Руководящие заключения Государственного Совета относительно создания и усовершенствования системы объединенных стимулов за сохранение верности и объединенных наказаний за утрату доверия, а также ускорения развития социального кредита. 2016. 30 мая (№ 33) // URL: http://www.gov.cn/jzhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm.

Вопрос о наличии связи между ССК и системами видеонаблюдения, основанными на использовании машинных алгоритмов, является достаточно неоднозначным. С одной стороны, вопреки широко распространенному заблуждению, на сегодняшний день отсутствуют факты, которые бы указывали на наличие прямого канала передачи информации с сети камер видеонаблюдения в базы данных, содержащие файлы с информацией о физических лицах. С другой стороны, очевидно, что данные, собранные видеокameraми с функцией распознавания лиц и поступающие в ситуационные центры правоохранительных органов, могут стать основанием для проведения расследования и наложения на гражданина соответствующего наказания, которое, в свою очередь, будет записано в его кредитные файлы.

По-видимому, неясности, касающиеся использования ССК, связаны с тем, что данный проект до сих пор находится в стадии разработки, а отдельные его составляющие достраиваются прямо сейчас, причем с неравномерной скоростью. С формальной точки зрения система видеонаблюдения и социальные рейтинги граждан не связаны между собой, наличие такой связи крайне проблематично доказать. Более того, можно даже отрицать значимость индивидуальных социальных рейтингов, совершенно справедливо ссылаясь на то, что проекты рейтингования индивидов не охватывают всю страну и все население, а действуют лишь в отдельных городах и используют различные шкалы оценивания³. В то же время, несмотря на различие этих проектов, все они используют примерно один и тот же набор данных, лежащих в основании алгоритмов рейтингования индивидов [15, р. 24–25], что позволяет предположить: рано или поздно разрозненные балльно-рейтинговые системы будут объединены, либо на базе одного из таких проектов будет развернута национальная система социального рейтингования [17, р. 1569].

В контексте криминологической проблематики особого внимания заслуживает тот факт, что показатели, оказывающие влияние на индивидуальный социальный рейтинг в рамках пилотных скоринговых проектов в КНР, охваты-

³ Проекты Rongcheng Points в городе Жунчэн провинции Шаньдун, Haibei Points в городском округе Вэйхай этой же провинции, а также Xichu Points в городском округе Суцзянь провинции Цзянсу первоначально предоставляют гражданам 1 000 баллов рейтинга, впоследствии увеличивая или уменьшая рейтинг. Система Lehui Points (г. Уху провинции Аньхой) предусматривает рейтинговую шкалу от 350 до 1 200 баллов [16, р. 24].

вают весьма широкую сферу общественных отношений, в том числе отношения, традиционно регулируемые уголовным законодательством. Так, согласно опубликованному в августе 2018 г. администрацией городского округа Фучжоу провинции Фуцзянь проекту документа о мерах по управлению муниципальной системой Yuming Points (玉茗分)⁴, на который в своем исследовании ссылаются сотрудники консалтингового бюро Trivium China, за уклонение от военной службы из персонального рейтинга индивида предлагалось вычитать 80 баллов (из 1 000 максимально возможных в данной системе), а за осуществление преступной деятельности, посягающей на общественное благосостояние, — 50 баллов. Граждан, признанных виновными в совершении преступлений, но освобожденных от наказания, предлагалось наказывать снятием 30 баллов рейтинга; в случае заключения под стражу на срок до трех лет из рейтинга осужденного предлагалось вычитать 50 баллов, при заключении на срок более трех лет — 80 баллов [15, р. 25]. Документ, обнародованный властями Фучжоу, наглядно показывает, что сфера уголовно наказуемых деяний далеко не безразлична пилотным проектам, реализуемым в рамках процесса построения ССК в Китае. Посредством ССК на преступника может оказываться дополнительное воздействие, а низкий социальный рейтинг должен информировать третьих лиц о делинквентности его обладателя.

Роль Системы социального кредита в борьбе с делинквентным поведением

Внедрение ССК и связанных с ней проектов, использующих информационные технологии для целей социального контроля, несомненно, воздействует на состояние борьбы государства с правонарушениями. Процесс поиска преступников по записям камер видеонаблюдения в последнее время дополнился возможностью идентификации разыскиваемых посредством использования технологии распознавания лиц. Безусловный довод в пользу технологических инноваций — распространяемые китайской полицией сенсационные сообщения о нахождении пропавших детей, утверждается, что некоторые из них были похищены много лет назад [16; 18; 19].

Впрочем, розыск преступников и их жертв не является единственной функцией современных

систем контроля. Более важным в долгосрочной перспективе, возможно, является не то, как эти системы работают с уже совершенными правонарушающими деяниями, а то, какое влияние они оказывают на будущее поведение граждан. По большому счету, основным модусом действия ССК и связанных с ней механизмов контроля является не что иное, как инструментализация человеческого поведения в целях его последующих модификации и прогнозирования, что уже отмечалось в недавней работе американской исследовательницы Ш. Зубофф [1, р. 331].

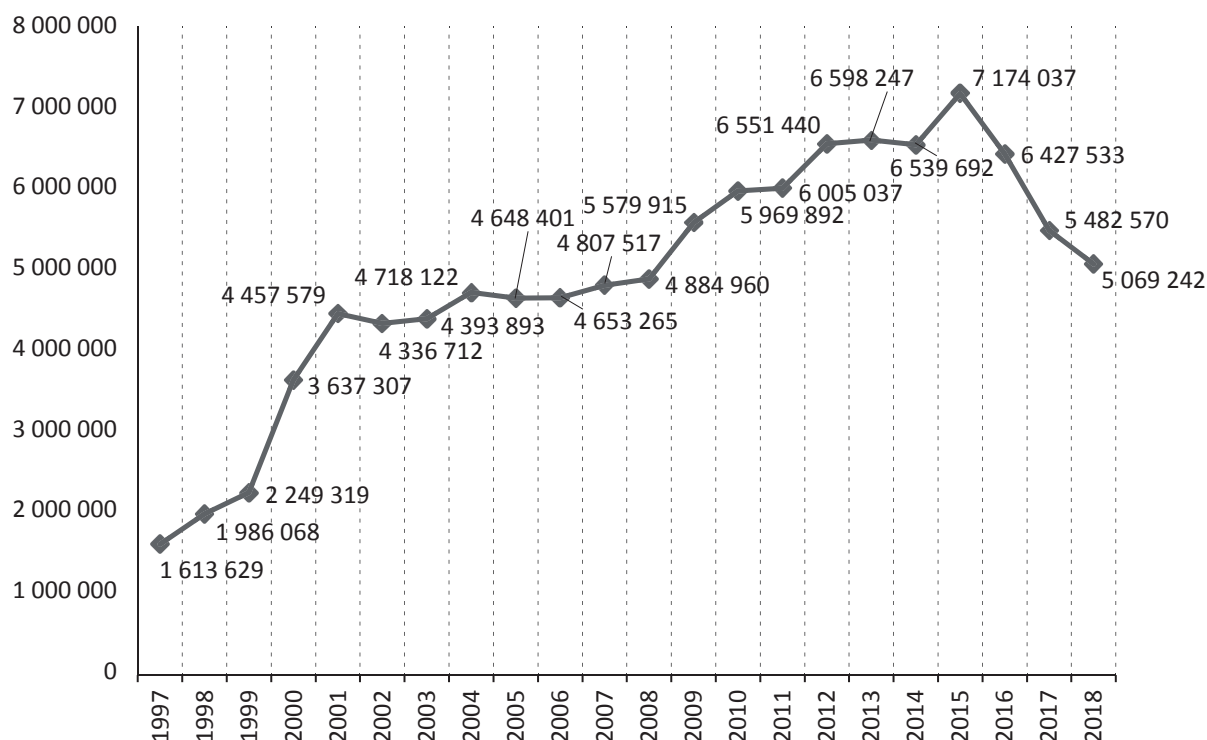
Так как современные высокотехнологичные системы социального контроля модифицируют поведение людей, оказывающихся в условиях вездесущей материальной архитектуры наблюдения, вычисления и оценивания, внедрение таких систем должно тем или иным образом отражаться на статистике правонарушений. Статистические данные о количестве преступлений и административных правонарушений, зарегистрированных в КНР в период с 1997 по 2018 г.⁵, косвенным образом отражают сдвиги в борьбе с делинквентным поведением, произошедшие параллельно с внедрением новейших контрольно-надзорных технологий (о построении ССК было официально объявлено в 2007 г., начало активной фазы процесса внедрения системы относится к 2014 г., а в начале 2010-х гг. произошло резкое увеличение камер видеонаблюдения в общественных местах в КНР⁶). В период с 1998 по 2015 г. в КНР наблюдалась растущая динамика регистрируемых преступлений, пик которой пришелся на 2015 г. (7 174 037 преступлений) (рис. 1).

⁵ Статистические данные, касающиеся зарегистрированных в КНР преступлений и административных правонарушений, содержатся в статистических ежегодниках, публикуемых Национальным бюро статистики КНР. См.: Annual Data // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>.

⁶ Судя по всему, период, когда руководство КНР сделало ставку на обеспечение государственной безопасности при помощи новейших информационных технологий, можно обозначить в границах 2002–2014 гг. Стратегическая ставка на создание «системы общественного управления», предполагающей оценку поведения граждан, а также укрепление информационной безопасности — во многом заслуги Чжоу Юнкана (周永康), занимавшего должности министра общественной безопасности (2002–2007) и секретаря Политико-юридической комиссии ЦК КПК (2007–2012) [20]. Дальнейшее развитие систем обеспечения государственной безопасности и общественного порядка было подготовлено решениями, принятыми именно в этот период.

⁴ 关于《抚州市个人“玉茗分”信用管理办法（征求意见稿）》向社会公开征求意见的通知 // URL: http://credit.jxfz.gov.cn/xydt/xydt_display.jsp?type=3&id=2006.

Рис. 1. Общее количество преступлений, зарегистрированных органами общественной безопасности Китая в 1997–2018 гг.

Fig. 1. Total number of criminal cases registered by public security bodies of China in 1997–2018

После пика наблюдается резкое снижение количества зарегистрированных преступлений: в 2017 г. их количество составило 5 482 570, что ниже показателей 2009 г., и, судя по данным 2018 г., снижение продолжается. Рост количества выявленных преступлений в конце 1990-х и начале 2000-х гг. очевидным образом связан с предшествующим и продолжавшимся в данный период реформированием экономики, а также провозглашением властями КНР курса на «формирование социалистической правовой системы с китайской спецификой» [21, с. 77–79], требовавшего укрепления режима законности и активизации работы органов правопорядка. Нисходящая тенденция 2016–2018 гг., напротив, может быть интерпретирована как отложенный эффект государственных усилий по борьбе с преступностью, в том числе как эффект внедрения современных контрольно-надзорных технологий.

Наибольший удельный вес в общем количестве преступлений в КНР составляют кражи. Динамика зарегистрированных правоохранительными органами краж соответствует общей динамике преступности (рис. 2).

Впечатляющих успехов правоохранительным органам КНР удалось добиться в деле борьбы с открытыми хищениями имущества. Хотя нисходящий тренд по количеству возбужденных уголовных дел данной категории наблюдается с 2003 г., наиболее динамичное снижение количества преступлений этого вида началось с 2010 г. (рис. 3).

Несколько более сложно выглядит динамика преступлений, связанных с нанесением телесных повреждений (рис. 4). По 2010 г. включительно кривая статистики по данному виду преступлений росла, однако с 2011 г. наблюдается ее постепенное снижение, с 2014 г. становящееся более уверенным.

Влияние ССК и связанных с ней механизмов на статистику преступлений не является прямым (ССК препятствует не столько совершению преступлений, сколько неправомерному поведению в гражданско-правовых и административно-правовых отношениях), их воздействие на динамику административных правонарушений является более наглядным. Рисунок кривой административных правонарушений (рис. 5) в целом аналогичен рисунку кривой преступлений (см. рис. 1),

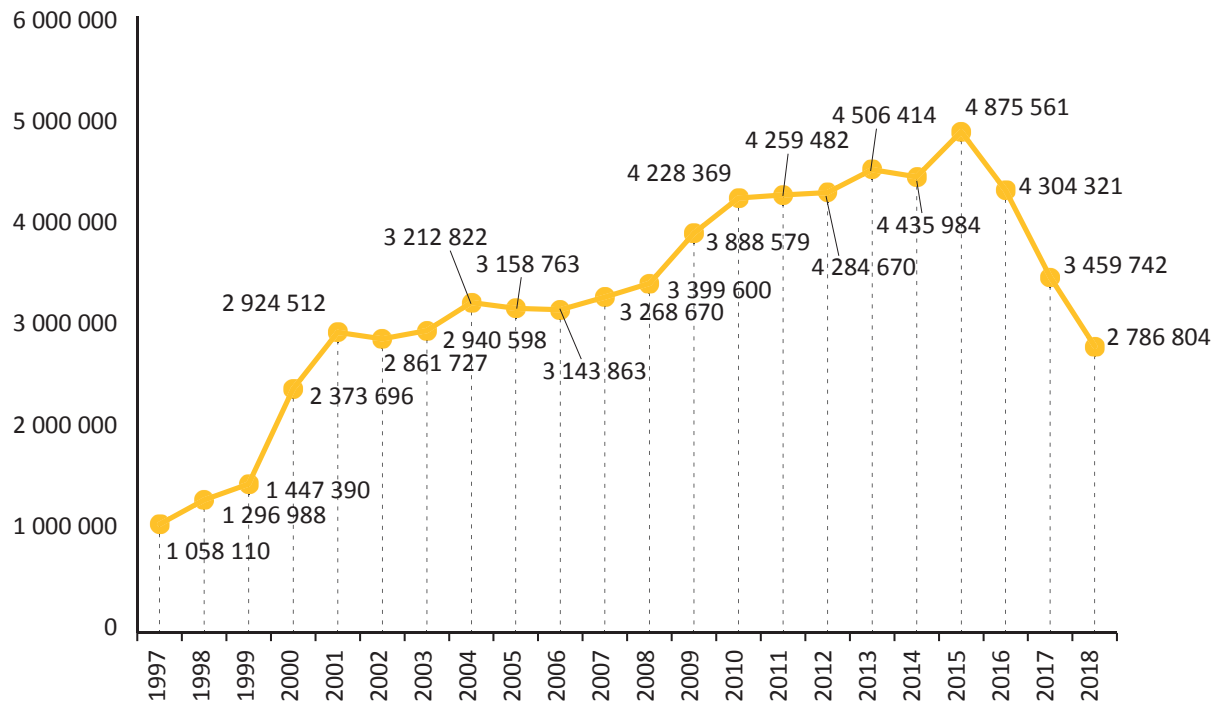

Рис. 2. Кражи, зарегистрированные органами общественной безопасности Китая в 1997–2018 гг.

Fig. 2. Larceny cases registered by public security bodies of China in 1997–2018

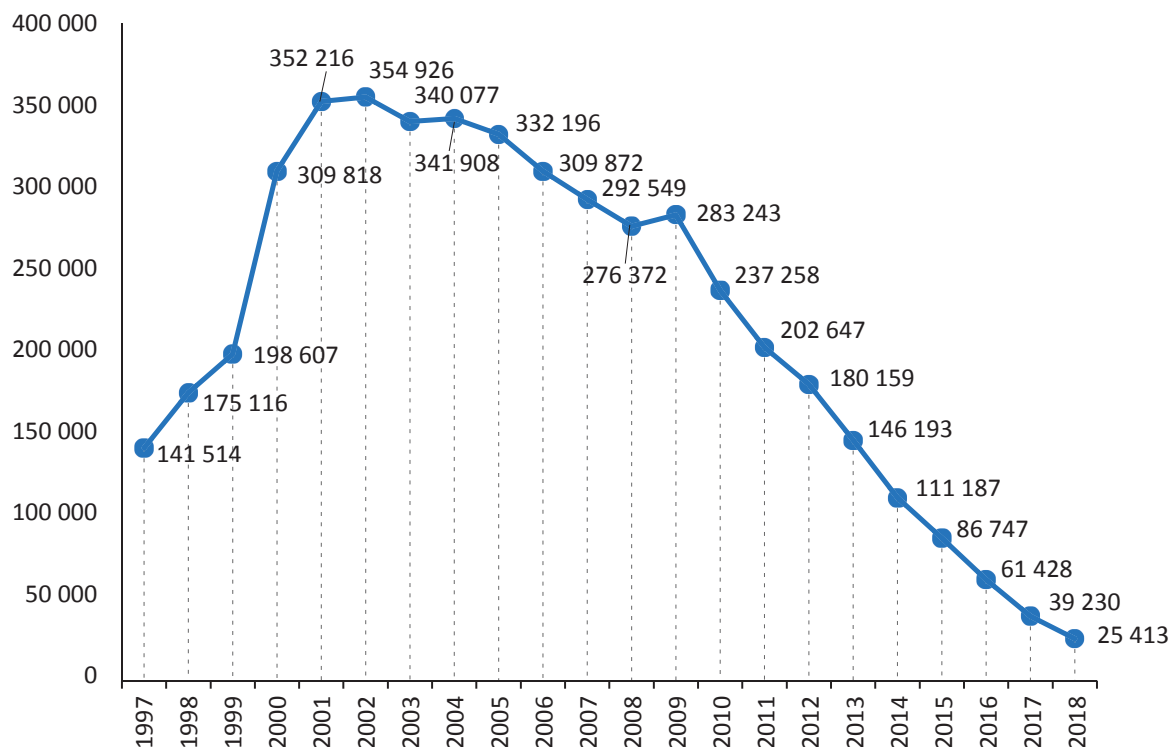

Рис. 3. Случаи открытого хищения имущества, зарегистрированные органами общественной безопасности Китая в 1997–2018 гг.

Fig. 3. Robberies registered by public security bodies of China in 1997–2018

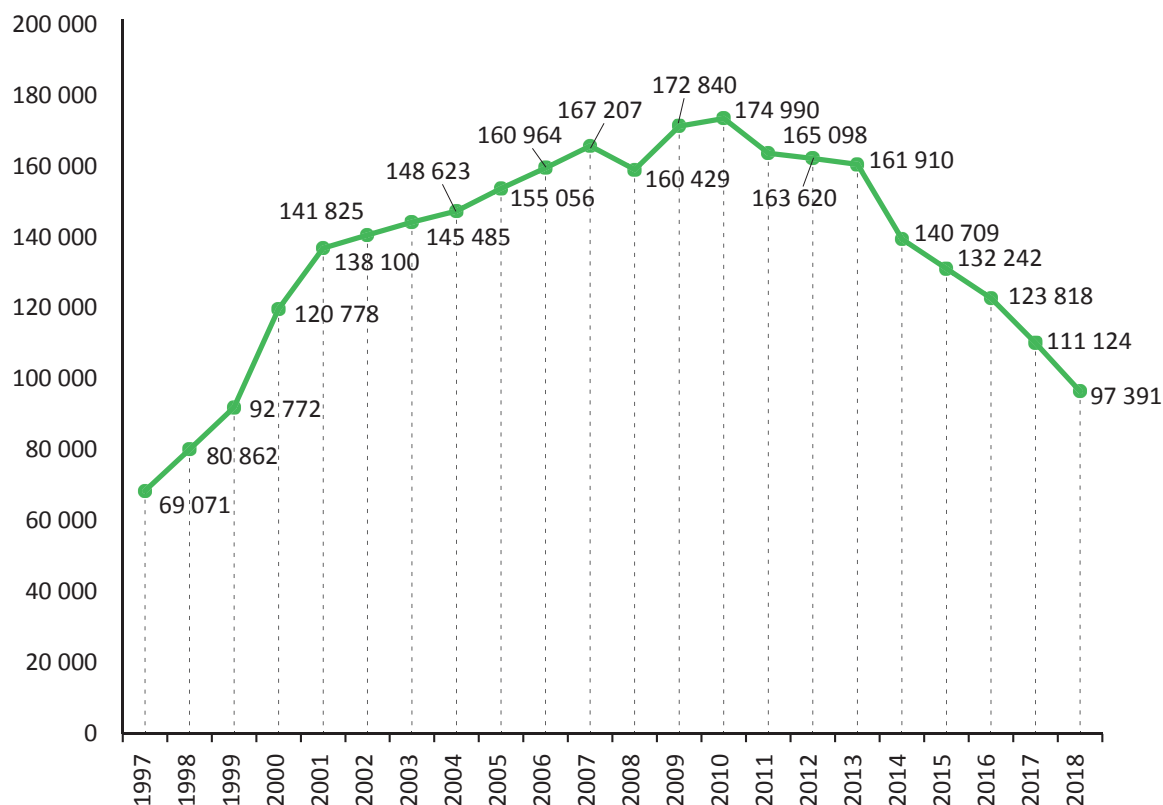

Рис. 4. Случаи нанесения телесных повреждений, зарегистрированные органами общественной безопасности Китая в 1997–2018 гг.

Fig. 4. Bodily injury cases registered by public security bodies of China in 1997–2018

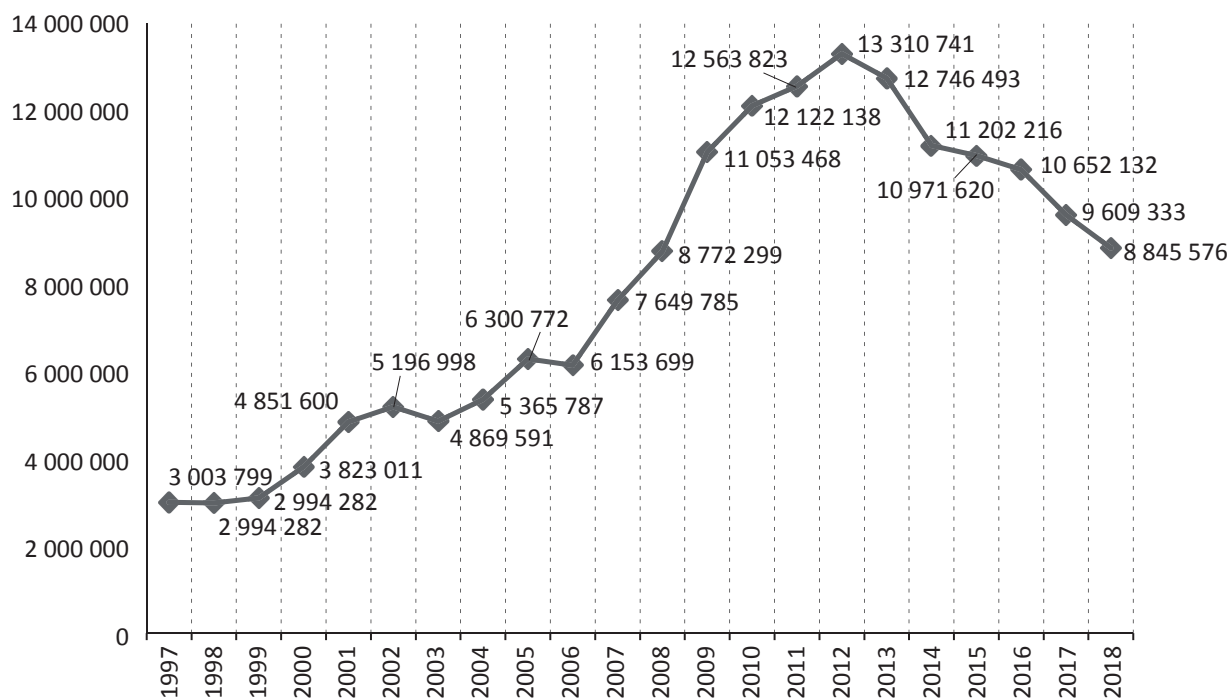

Рис. 5. Дела об административных правонарушениях, рассмотренные органами общественной безопасности Китая в 1997–2018 гг.

Fig. 5. Cases of offences against public order investigated by public security bodies of China in 1997–2018

с той разницей, что пик здесь приходится не на 2015 г., а на 2012 г. Наиболее заметный прогресс при этом наблюдается в количестве зафиксиро-

ванных случаев нанесения побоев другим лицам (рис. 6), а также хищений или порчи объектов общественной инфраструктуры (рис. 7).

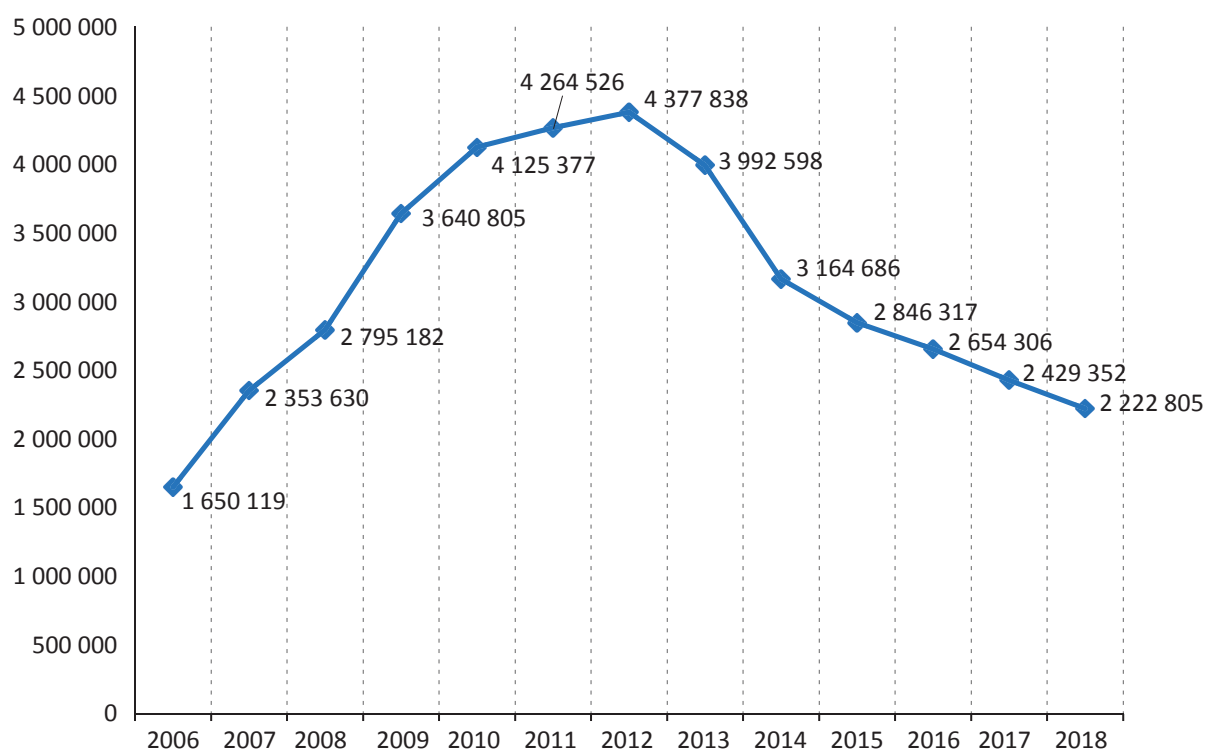

Рис. 6. Случаи нанесения побоев, рассмотренные органами общественной безопасности Китая в 2006–2018 гг.

Fig. 6. Battering incidents investigated by the public security bodies of China in 2006–2018

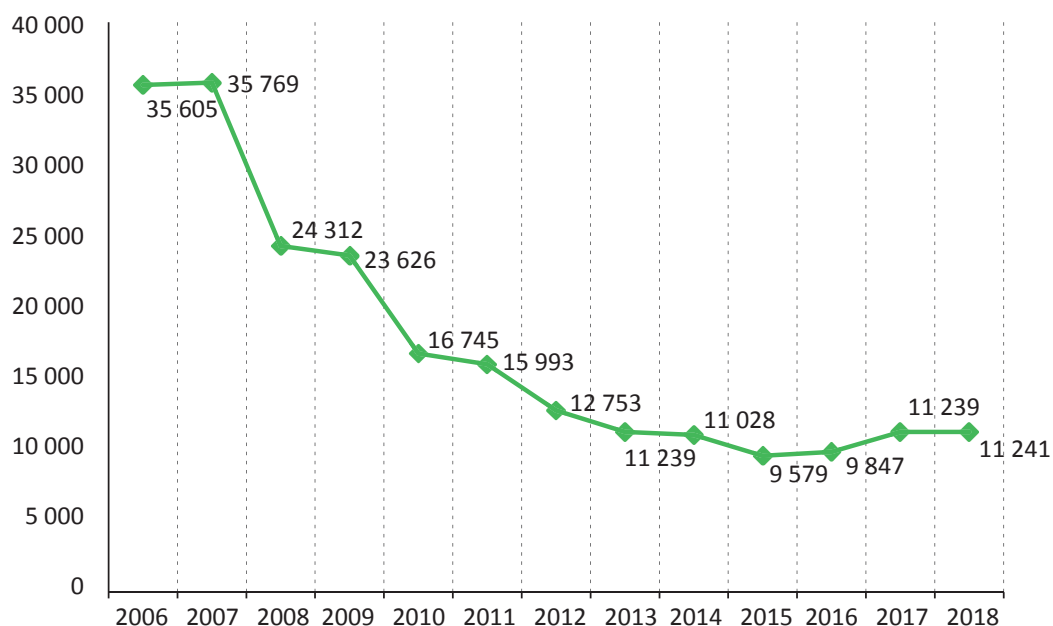

Рис. 7. Случаи хищения и порчи объектов общественной инфраструктуры, рассмотренные органами общественной безопасности Китая в 2006–2018 гг.

Fig. 7. Cases of the public facilities' stealing and damaging investigated by the public security bodies of China in 2006–2018

Влияние современных контрольно-надзорных технологий и систем на делинквентное поведение очевидно, хотя и не поддается однозначной количественной оценке (динамика правонарушений определяется множеством факторов, воздействие любого из которых является нелинейным). Однако значение систем видеонаблюдения в раскрытии и пресечении преступлений не вызывает сомнения, роль более сложных систем, таких как ССК, в снижении преступности доказать сложнее. Все дело в том, что эффект внедрения ССК вовсе не является прямым, но зато он более глубокий: в конце концов, дело не столько в количестве зафиксированных преступлений и административных правонарушений⁷, сколько в качественном изменении существующих правовых институтов, в том числе институтов юридической ответственности и наказания.

Трансформирующий эффект Системы социального кредита и возможные риски для правовой системы

Как следует из статьи Юй Цинсуна (虞青松), сотрудника Школы права Юго-Восточного университета в Нанкине, одной из ключевых задач ССК является преобразование субъекта права в «цифровую личность» (数字人格), делающее возможным управление социальными процессами посредством компьютерных алгоритмов [24]. Базирующееся на цифровых алгоритмах администрирование, осуществляемое посредством ССК, предполагает постоянное обращение к социально-кредитной информации с последующим алгоритмическим оцениванием цифровых личностей, выстраиванием иерархий, применением поощрительных мер к законопослушным лицам и исправительно-ограничительных мер к правонарушителям [24].

Фактически ССК превращает наказание из конкретно-определенной меры юридической ответственности, ретроспективно следующей за правонарушением, в своего рода «проклятие» для однажды оступившегося лица. Наказание выходит за рамки вида и меры наказания, предусмотренных соответствующим законом

⁷ Официальная статистика сообщает нам о правонарушениях и борьбе с ними лишь то, что хотят сказать об этом органы власти. Данное утверждение в особенности справедливо для КНР. Искажение статистических данных в этой стране и использование государственной статистики в целях легитимации и придания положительного имиджа существующему режиму уже неоднократно отмечалось исследователями [22; 23].

за конкретное правонарушение. Правоограничительные меры следуют за «утратившим доверие» лицом даже после применения к нему соответствующей меры юридической ответственности, причем даже в тех случаях, когда ответственность эта является административной, а не уголовной. Характерным примером такого расширения негативных мер является случай, произошедший летом 2018 г. в скоростном поезде, следовавшем по маршруту Цзинань — Пекин⁸. Мужчина занял чужое место и отказался его уступить, несмотря на настойчивые требования другого пассажира — женщины. В итоге за свое некорректное поведение нарушитель был не только оштрафован на 200 юаней, но и внесен в черный список пассажиров железнодорожного транспорта, лишившись возможности покупать билеты на многие рейсы внутри страны [25, р. 39].

Механизмы ССК позволяют присоединять к наказанию за конкретное правонарушение шлейф запретов и ограничений, включая те, что выходят за пределы той области отношений, на которую посягало совершенное нарушение⁹. В еще большей степени, однако, заслуживает внимания тот факт, что негативные лишения имущественного или организационного характера могут иметь место даже вне всякой связи с совершенными правонарушениями: в алгоритмическом мире перманентного вычисления и оценки отказы в продаже билетов на поезда и самолеты, в выдаче займов, в поступлении в школы и вузы могут быть связаны с недостаточным количеством баллов в системе или даже просто с наличием того или иного факта в «социально-кредитной истории» субъекта, который компьютерные алгоритмы определили в качестве критического в рамках совершенно не публичного и непрозрачного процесса управления рисками.

⁸ 高铁霸座男被处治安罚款200元 记入铁路征信体系 // URL: <https://news.sina.com.cn/s/2018-08-24/doc-ihicsiaw3571000.shtml>.

⁹ Один из ключевых принципов китайской ССК сформулирован следующим образом: «Те, кто утратил доверие в одной области отношений, будут ограничены во всех областях». См. п. 1.1.1 Заключений Генерального Секретариата ЦК КПК и Канцелярии Госсовета КНР об ускорении развития кредитного надзора, системы предупреждения и наказания бесчестных лиц, подлежащих мерам принуждения (中共中央办公厅、国务院办公厅关于加快推进失信被执行人信用监督、警示和惩戒机制建设的意见 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-09/25/content_5111921.htm).

Благодаря внедрению ССК конструкция наказания отделяется от конструкции юридической ответственности, становясь размытой и безразмерной. Вероятно, именно это имел в виду американский криминолог Г. Ньюман, говоря о конце наказания в том виде, в каком мы его знали раньше, о «перераспределенном» наказании в эпоху массового наблюдения [26, р. 167].

Помимо того, что ССК и подобные ей механизмы трансформируют институты юридической ответственности и наказания, они также ставят под вопрос привычную до сих пор фигуру правонарушителя. Как ни странно, партийный эвфемизм «лицо, утратившее доверие» весьма удачно маскирует размывание понятия «правонарушитель», которое традиционно обозначает лицо, совершившее виновное противоправное деяние. В конце концов, для того, чтобы оказаться среди «утративших доверие» лиц, не обязательно совершать виновные противоправные деяния. «Утратившим доверие» может быть кто угодно: настоящий правонарушитель, оступившийся где-то и попавший в черные списки гражданин¹⁰, индивид, чье повседневное поведение и потребительские привычки позволяют алгоритмам искусственного интеллекта сделать вывод о его «ненадежности» и т.п.

Вопреки принципам *Nullum crimen sine lege* (нет преступления без закона) и *Nulla poena sine lege* (нет наказания без закона), требующим наказывать лишь за те деяния, которые запрещены законом, и лишь в той мере, которая предусмотрена законом, алгоритмическая архитектура ССК освобождает наказание от безусловной связи с правонарушением, виной, законной мерой и сколь-либо прозрачными процедурами, заставляя субъекта с повышенным вниманием относиться к своим повседневным занятиям и привычкам. С одной стороны, в этом есть несомненный положительный эффект: массы становятся более законопослушными; с другой — за кажущимся укреплением режима законности и правопорядка нетрудно разглядеть и угрозы для этого самого правопорядка: трансформацию прин-

ципов и институтов, лежащих в основе уголовного и административно-деликтного права развитых обществ и правовых систем большинства современных стран.

Китайская правовая система (при всей ее социалистической специфике) до сих пор функционировала в русле довольно-таки традиционной дисциплинарной модели. Надлежащее поведение предписывалось субъектам права посредством писанных норм, а исполнение наказаний за их нарушение осуществлялось не в алгоритмически заданном, а в «ручном» (т.е. полностью контролируемом человеком) режиме соответствующими должностными лицами. Сейчас Китай, а вместе с ним и весь мир, оказался на пороге радикального сдвига: техническая возможность управления общественными процессами посредством алгоритмических механизмов уже есть, но реализация такой возможности открывает дорогу принципиальной перестройке всей правовой системы, эффекты от которой на данный момент трудно предсказать.

Заключение

В эпизоде «Нырок» (Nosedive) популярного научно-фантастического сериала «Черное зеркало» (Black Mirror) сценаристы попытались порассуждать о том, к каким последствиям может привести повсеместное использование социальных рейтингов. Индивиды с высоким социальным рейтингом пользуются всеми возможными благами современной цивилизации, а обладатели низких рейтингов вынуждены владеть жалкое существование, зачастую не по собственной воле оказавшись на тонкой границе между законом и противозаконностью, свободным миром и тюрьмой. Впрочем, реально выстраиваемая в Китае ССК имеет одно важное отличие от кинематографической: рейтинг в системе, а также содержание черных и красных списков практически не зависят от горизонтальных отношений между частными лицами. Спроектированные по заданию госаппарата механизмы обмена информацией, составляющие остоу ССК, исходят не из соображений приватно понимаемой пользы («Таксист довез меня быстро и с комфортом — я ставлю ему 5 баллов»), а из логики публичных интересов государства и связанных с ним коммерческих корпораций. Развивающаяся алгоритмизация этих механизмов влечет превращение субъекта права в «цифровую личность», перманентно находящуюся под угрозой применения наказания.

¹⁰ Для исключения из черного списка может потребоваться не один год. Так, ст. 2 постановления Верховного народного суда КНР от 28 февраля 2017 г. устанавливает, что ограничения, связанные с включением лица, уклоняющегося от исполнения судебного решения, в соответствующий черный список, действуют в течение двух лет. См.: 最高人民法院于修改《最高人民法院关于公布失信被执行人名单信息的若干规定》的决定 // URL: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-37172.html>.

Конечно, еще рано выносить окончательный вердикт в отношении ССК и связанных с ней контрольно-надзорных механизмов, до сих пор функционирующих в режиме бета-тестирования. Однако мы, видимо, впервые вплотную приблизились к тому будущему, которое сулят фундаментальные сдвиги в нашем понимании юридической ответственности, наказания и девиантности, о котором наиболее проницательные ученые говорили еще десятилетие назад [27, р. 265–266]. Оценка поведения субъектов уполномоченными должностными лицами на основе правовых норм постепенно сменяется перманентно осуществляемой в режиме управления рисками алгоритмической оценкой; данные о субъекте и его прошлых деяниях (даже не имеющих ничего общего с правонарушениями) превращаются в «кредитные файлы», от которых нельзя избавиться и которые в любой момент могут быть использованы алгоритмической архитектурой для наложения на субъекта тех или иных ограничений (например, для отказа в выезде за рубеж или устройстве на работу);

наказание как мера негативного воздействия на субъект со стороны государства и уполномоченных им образований отделяется от конструкции юридической ответственности, последняя, в свою очередь, отделяется от вины и правонарушения; превращенные в «цифровые личности» граждане вынуждены в большей степени соблюдать некий ряд социальных ритуалов, нежели конкретные предписания законодательства, зная, что любые информационные следы, которые они оставляют о себе ежедневно, могут стать вечным «проклятием» для них.

Подводя итог, необходимо резюмировать: ССК и связанные с ней высокотехнологичные механизмы социального контроля, имея высокий потенциал в деле борьбы с делинквентным поведением, являются также источником серьезных рисков для современных правовых систем. Поскольку развитие такого рода механизмов в перспективе ведет к разрушению базовых принципов правового государства и гарантий прав личности, можно заключить, что риски перевешивают ожидаемую пользу от их использования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / S. Zuboff. — New York : Public Affairs, 2019. — 704 p.
2. Weller T. The Information State: An Historical Perspective on Surveillance // Routledge Handbook of Surveillance Studies / ed. K. Ball, K.D. Haggerty, D. Lyon. — London ; New York : Routledge, 2012. — P. 57–63.
3. Hayes B. State of Surveillance: the NSA Files and the Global Fightback / B. Hayes // State of Power. — 2014. — URL: https://www.tni.org/files/download/state_of_surveillance_chapter.pdf.
4. Devlin H. «We are Hurling Towards a Surveillance State»: The Rise of Facial Recognition Technology / H. Devlin // The Guardian. — 2019. — 5 Oct. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/05/facial-recognition-technology-hurling-towards-surveillance-state>.
5. Hayes B. The Surveillance-Industrial Complex / B. Hayes // Routledge Handbook of Surveillance Studies / ed. K. Ball, K.D. Haggerty, D. Lyon. — London ; New York : Routledge, 2012. — P. 167–175.
6. Буткевич С.А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии / С.А. Буткевич // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 111–116.
7. Данилин П.Н. История развития и перспективы внедрения системы социального кредита (рейтинга) в Китайской Народной Республике и Российской Федерации / П.Н. Данилин, И.Ю. Хилько // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 8 (123). — С. 48–50.
8. Система социального кредита как инструмент информационной поддержки для современной меритократии / А.Д. Елисеева, Г. Лейфу, А.А. Беспалько, Д.С. Курбатов // Systems and Management. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 195–205.
9. Coleman R. Surveillance & Crime / R. Coleman, M. McCahill. — London : SAGE, 2011. — 224 p.
10. CCTV Surveillance for Crime Prevention: A 40-years Systematic Review with Meta-Analysis / E.L. Piza, B.C. Welsh, D.P. Farrington, A.L. Thomas. — DOI 10.1111/1745-9133.12419 // Criminology & Public Policy. — 2019. — Vol. 18, iss. 1. — P. 135–159.
11. Polyakova A. Exporting Digital Authoritarianism: The Russian and Chinese Models / A. Polyakova, C. Meserole // Foreign Policy at Brookings. — 2019. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190827_digital_authoritarianism_polyakova_meserole.pdf.
12. Yu Z. China Turns Televisions and Mobile Phones in Villages into Surveillance Terminals / Z. Yu // Global Times. — 2018. — 27 June. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml>.
13. Ларина Е. Китайская система социального кредита: традиции и технологии / Е. Ларина, В. Овчинский // Завтра. — 2019. — 4 сент. — URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii.
14. Blomberg M. The Social Credit System and China's Rule of Law / M. Blomberg // Mapping China Journal. — 2018. — No. 2. — P. 77–162.
15. Understanding China's Social Credit System / K. Shaefer, E. Yin [et al.] // Trivium China. — 2019. — 23 Sept. — URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf>.
16. Xia S. Chinese Family Reunited with Kidnapped Son After 32 Years / S. Xia // South China Morning Post. — 2020. — 19 May. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3084925/chinese-family-reunited-kidnapped-son-after-32-years>.

17. Kostka G. China's Social Credit System and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval / G. Kostka // *New Media and Society*. — 2019. — Vol. 21, № 7. — P. 1565–1593.
18. Elsom J. Boy who was Kidnapped by Child Traffickers 20 years Ago is Found Using Facial Recognition Technology and Finally Reunited with His Mother / J. Elsom // *Daily Mail*. — 2019. — 26 July. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7288655/Boy-kidnapped-child-traffickers-20-years-ago-using-facial-recognition-technology.html>.
19. Feng D. Cross-age Face Recognition Tech Used to Find Missing Child / D. Feng // *Global Times*. — 2019. — 8 Oct. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1166268.shtml>.
20. Рувинский Р.З. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена / Р.З. Рувинский, А.А. Тарасов. — DOI 10.7256/2454-0668.2020.3.33021 // *Национальная безопасность / Nota Bene*. — 2020. — № 3. — С. 72–88.
21. Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР) / П.В. Трощинский. — Москва: ВКН, 2018. — 184 с.
22. He Ph. The Politics of Numbers: Crime Statistics in China / Ph. He // *The Routledge Handbook of Chinese Criminology* / ed. L. Cao, I.Y. Sun, B. Heberton. — New York: Routledge, 2014. — P. 147–159.
23. Xu J. Legitimization Imperative: The Production of Crime Statistics in Guangzhou, China // *British Journal of Criminology*. — 2018. — Vol. 58, no. 1. — P. 155–176.
24. 虞青松. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 // *法学论坛*. — 2020. — № 2 [Цинсун Ю. Алгоритмическое администрирование: управленческая парадигма Системы социального кредита и ее нормативно-правовые основы // *Правовой форум*. — 2020. — № 2]. — URL: <http://fzsfjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm>.
25. Dai X. Enforcing Law and Norms for Good Citizens: One View of China's Social Credit System Project / X. Dai // *Development*. — 2020. — Vol. 63, № 7. — P. 38–43.
26. Newman G.R. Civilization and Barbarism: Punishing Criminals in the Twenty-First Century / G.R. Newman. — Albany: State Univ. of New York Press, 2020. — 280 p.
27. Lianos M. Dangerization and the End of Deviance: The Institutional Environment / M. Lianos, M. Douglas // *British Journal of Criminology*. — 2000. — Vol. 40, iss. 2. — P. 261–278.

REFERENCES

1. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, Public Affairs, 2019. 704 p.
2. Weller T. The Information State: An Historical Perspective on Surveillance. In Ball K., Haggerty K.D., Lyon D. (eds.). *Handbook of Surveillance Studies*. London, New York, Routledge, 2012, pp. 57–63.
3. Hayes B. State of Surveillance: the NSA Files and the Global Fightback. *State of Power*, 2014. Available at: https://www.tni.org/files/download/state_of_surveillance_chapter.pdf.
4. Devlin H. «We are Hurling Towards a Surveillance State»: The Rise of Facial Recognition Technology. *The Guardian*, 2019, October 5. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/05/facial-recognition-technology-hurling-towards-surveillance-state>.
5. Hayes B. The Surveillance-Industrial Complex. In Ball K., Haggerty K.D., Lyon D. (eds.). *Handbook of Surveillance Studies*. London, New York, Routledge, 2012, pp. 167–175.
6. Butkevich S.A. The System of Social Credit in the People's Republic of China in the Mirror of Criminology. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 1, pp. 111–116. (In Russian).
7. Danilin P.N., Khilko I.Yu. The History of Development and Prospects for the Introduction of the Social Credit System (Rating) in the People's Republic of China and the Russian Federation. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 8 (123), pp. 48–50. (In Russian).
8. Eliseeva A.D., Leifu G., Bepalko A.A., Kurbatov D.S. Social Credit System as a Tool of Information Support for Modern Meritocracy. *Systems and Management*, 2019, vol. 1, no. 4, pp. 195–205. (In Russian).
9. Coleman R., McCahill M. *Surveillance & Crime*, London, SAGE, 2011. 224 p.
10. Piza E.L., Welsh B.C., Farrington D.P., Thomas A.L. CCTV Surveillance for Crime Prevention: A 40-years Systematic Review with Meta-Analysis. *Criminology & Public Policy*, 2019, vol. 18, iss. 1, pp. 135–159. DOI: 10.1111/1745-9133.12419.
11. Polyakova A., Meserole C. Exporting Digital Authoritarianism: The Russian and Chinese Models. *Foreign Policy at Brookings*, 2019. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190827_digital_authoritarianism_polyakova_meserole.pdf.
12. Yu Z. China Turns Televisions and Mobile Phones in Villages into Surveillance Terminals. *Global Times*, 2018, June 27. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml>.
13. Larina E., Ovchinsky V. The Chinese System of Social Credit: Traditions and Technologies. *Zavtra*, 2019, Sept. 4. Available at: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii. (In Russian).
14. Blomberg M. The Social Credit System and China's Rule of Law. *Mapping China Journal*, 2018, no. 2, pp. 77–162.
15. Shaefer K., Yin E. [et al.]. Understanding China's Social Credit System. *Trivium China*, 2019, September 23. Available at: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf>.
16. Xia S. Chinese Family Reunited with Kidnapped Son After 32 Years. *South China Morning Post*, 2020, May 19. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3084925/chinese-family-reunited-kidnapped-son-after-32-years>.
17. Kostka G. China's Social Credit System and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval. *New Media and Society*, 2019, vol. 21, no. 7, pp. 1565–1593.
18. Elsom J. Boy who was Kidnapped by Child Traffickers 20 years Ago is Found Using Facial Recognition Technology and Finally Reunited with His Mother. *Daily Mail*, 2019, July 26. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7288655/Boy-kidnapped-child-traffickers-20-years-ago-using-facial-recognition-technology.html>.

19. Feng D. Cross-age Face Recognition Tech Used to Find Missing Child. *Global Times*, 2019, October 8. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1166268.shtml>.
20. Rouvinsky R.Z., Tarasov A.A. «Social Credit System»: Historical Prerequisites and Doctrinal Grounds of the Phenomenon. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene = National Security / Nota Bene*, 2020, no. 3, pp. 72–88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021. (In Russian).
21. Troshchinsky P.V. *Evolutsiya pravovoi sistemy Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (1949–2018 gg.): istoriko-pravovoi aspekt (s perechnem deistvuyushchikh zakonov KNR)* [Evolution of the Legal System of the People's Republic of China (1949–2018): Historical and Legal Aspect (with a List of Current Laws of the People's Republic of China)]. Moscow, VKN Publ., 2018. 184 p.
22. He Ph. The Politics of Numbers: Crime Statistics in China. In Cao L., Sun I.Y., Heberton B. (eds.). *The Routledge Handbook of Chinese Criminology*, New York, Routledge, 2014, pp. 147–159.
23. Xu J. Legitimization Imperative: The Production of Crime Statistics in Guangzhou, China. *British Journal of Criminology*, 2018, vol. 58, no. 1, pp. 155–176.
24. Yu Qingsong. Algorithmic administration: governance paradigm of the Social Credit System and its normative legal basis. *Fǎxué lùntán = Legal Forum*, 2020, no. 2. (In Chinese).
25. Dai X. Enforcing Law and Norms for Good Citizens: One View of China's Social Credit System Project. *Development*, 2020, vol. 63, no. 7, pp. 38–43.
26. Newman G.R. *Civilization and Barbarism: Punishing Criminals in the Twenty-First Century*. Albany, State University of New York Press, 2020. 280 p.
27. Lianos M., Douglas M. Dangerization and the End of Deviance: The Institutional Environment. *British Journal of Criminology*, 2000, vol. 40, iss. 2, pp. 261–278.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рувинский Роман Зиновьевич — доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: rouvinsky@gmail.com.

Царёв Евгений Вячеславович — заведующий кафедрой гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, г. Дзержинск, Российская Федерация; e-mail: tsarevzhenya@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рувинский Р.З. Борьба с правонарушениями в эпоху Системы социального кредита: перспективы и риски / Р.З. Рувинский, Е.В. Царёв. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).282-294 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 3. — С. 282–294.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rouvinsky, Roman Z. — Ass. Professor, Chair of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Nizhny Novgorod, the Russian Federation; e-mail: rouvinsky@gmail.com.

Tsarev, Evgeny V. — Head, Chair of Humanities and Law Sciences, Dzerzhinsk Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Dzerzhinsk, the Russian Federation; e-mail: tsarevzhenya@yandex.ru.

FOR CITATION

Rouvinsky R.Z., Tsarev E.V. Tackling delinquency in the era of social credit system: prospects and risks. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 282–294. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).282-294. (In Russian).